

Иван КОСТИН

г. Петрозаводск

Раскольники в Заонежье

КАК ВОЗНИКЛА ВЫГОРЕЦИЯ

В конце семнадцатого века старообрядцы избрали Поморье и Заонежье местом укрытия от гонений властей и официальной церкви. Непроходимые болота и дремучие леса надежно охраняли их от преследователей. В бассейне рек Выг и Лекса раскинулась сеть скитов и келий. Но это была как бы одна большая обитель, объединенная общей верой, интересами жизни и духовной культурой.

В 1691 году к шуныгскому дьячку Викуле Данилову пришел из Повенца Андрей Денисов. Между убежденными приверженцами старой веры состоялась продолжительная беседа, в которой они пришли к выводу о том, что необходимо устраивать старообрядческое общежитие. Лишь оно может помочь сохранить незыблемые дониконианские порядки и обычаи духовной христианской жизни. Общежитие вскоре возникло и стало называться Выговской пустыней. Первым его большаком, духовным наставником и идеологом старообрядчества стал Андрей Денисов, пришедший в святую обитель с двумя сыновьями – Семеном и Иваном.

Андрей Денисов был личностью необыкновенной. По некоторым сведениям, он одно время был учени-

ком Феофана Прокоповича, знаменитого проповедника и государственного деятеля, публициста, поэта, сподвижника Петра Первого. Сам Андрей Денисов происходил из рода князей Мышецких, бывших новгородских помещиков. Был человеком начитанным и даровитым. Научившись грамоте, он предался чтению патериков, четьи минеи, травников и т.д.

Под влиянием прочитанных книг и бесед с патриархами старой веры в нем постепенно созрело решение о необходимости активных действий, решение положить свою судьбу на алтарь «древлего благочестия», и в мае 1692 года он покидает родительский дом, бывший в то время одним из самых богатых в Повенце.

Так под его руководством возникла на Выге небольшая поначалу старообрядческая община и получила прочное продуманное устройство. Но прежде чем выработать особенности поморского учения и связанного с ним уклада монастырской жизни, ему пришлось основательно изучить Священное писание и немало постранствовать под видом купца по городам Руси. Он пробыл около года в Киеве, прилежно изучал «риторское, философское и теософическое учение», как и некоторые другие науки.

На первых порах семейные люди в монастыре жи-

ли вместе с женами. Но когда число обитателей значительно увеличилось, посреди общежительства, обнесенного оградой, была воздвигнута стена: по одну сторону жили братья, по другую – сестры. А для свиданий была устроена келейка с оконцем. Но даже несмотря на такие крайние меры, «в общежительстве, – как писал один из его критиков, – развилось страшное распутство». Впрочем, предвзятый критик мог подобные факты и преувеличить, что было, понятно, в его интересах. И все же, видимо, не от доброй жизни духовные отцы монастыря решили устроить женскую обитель отдельно от мужской на реке Лексе в двадцати двух километрах от Выгореции. И в 1706 году ее первой настоятельницей – большухой стала сестра Андрея Денисова Соломония.

ДЕРЕВНЯ ПИГМАТКА

Посетивший наш край летом 1785 года ученый-путешественник академик Н.Я. Озерецковский в своей книге «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» писал: «Берег от Повенца по большей части песчаный до пристани Пигматка, которая от одного города в двадцати пяти верстах. Обнесена плотиною, за которой построены кладовые амбары. Близ оных амбаров построены два большие дома, в которых покои разделены на маленькие чуланцы по подобию монастырских келий; в них живет небольшое число староверов, принадлежащих к Суземкам, или так называемому Даниловскому монастырю...»

Далее у Н.Я. Озерецковского идет подробное описание устройства монастыря и внутренней жизни, чем занимались его обитатели. Перечесать это интересно, хотя с тех пор появилось немало других работ и исследований на эту тему. Почему же я остановился на небольшой деревеньке Пигматке? Нет, не только потому, что это – родина моей матери, и с этой деревенькой была связана часть моего солнечного детства. Для меня было совершенно удивительно в материалах Пушкинского дома, в его древлехранилище, найти сведения не только о Пигматке, но и о семье Герасимовых, откуда вышла и моя матушка Елена Васильевна. В те годы, о которых идет речь в этих материалах, мой дед Василий Архипович служил лесничим, и был еще жив мой прадед Архип Герасимов, основатель материнского рода в Пигматке.

Так однажды в древлехранилище, где и поныне работают мои друзья, питерские ученые Глеб Маркелов и Владимир Будорагин, меня заинтересовали материалы о собирателях древних рукописей. Разбирая переписку известного собирателя и историка

старообрядческой культуры Ивана Никифоровича Заволоко со своим коллегой, исследователем истории раскольников Федором Каликиным, я случайно наткнулся на письма Григория Изотова, которые тоже хранились почему-то в этой папке. Возможно, по принципу родственности материалов. Но речь от этих письмах и самом авторе впереди.

Через год после находки этих документов я встретился с Заволоко в Риге, где он жил и возглавлял старообрядческую общину. Приехал я к нему специально, чтобы проконсультироваться по технологии выговского медного литья, предметов мелкой пластики, которая меня очень интересовала, а заодно установить датировку этих предметов. В ту пору в моей личной коллекции насчитывалось более пятидесяти предметов мелкой пластики. (Коллекция передана мною в фонды музея «Кижы» в 2004 году.) Багаж при досмотре оказался бы весьма необычным. Но поскольку Латвия в те годы у нас в заграничах не числилась, то все обошлось самым наилучшим образом.

С Иваном Никифоровичем я провел целый день, и с медным литьем мы как следует разобрались. Имя Заволоко в определенных кругах было хорошо известно. В частности, ему принадлежит часть находки второго подлинного и более полного списка «Жития» протопопа Аввакума с его личными рисунками. Раритет этот был найден в 1966 году в среде московских старообрядцев. Причем хозяева даже не знали, какую ценную рукопись держат они в своей библиотеке, так как она была ловко замаскирована под обложку другой книги, где первые страницы к «Житию» не имели никакого отношения. И вот с тех самых пор эта драгоценная находка хранится в одном из сейфов древлехранилища. А познакомился я с Иваном Никифоровичем за год до этой поездки в Ленинграде на квартире Владимира Ивановича Малышева, основателя и хозяина древлехранилища. Поддерживал переписку. Узнал от него много разнообразных полезных сведений, которые мне пригодились и в этой работе.

Заволоко о письмах Изотова сказать мне ничего не мог. У Каликина спросить было уже нельзя... Оставалось предположить, что кто-то из родственников принес эти письма в Пушкинский дом вместе с рукописными книгами, а потом они каким-то образом перекочевали в эту папку. Письма эти я почти целиком использовал в своей очерковой книжке «Были Заонежья», а сейчас приведу лишь те короткие отрывки из них, в которых говорится о Пигматке и дедовском доме.

«Деревня Пигматка в пору расцвета Даниловского монастыря играла роль главной его перевалочной базы. Здесь старообрядцы построили боль-

шую каменную пристань, ряд амбаров, складских помещений. Монастырь держал в своей деревне и свой постоянный двор. Дом этот и теперь еще стоит на берегу озера. Он украшен по фасаду пышной резьбой причелин и наличников и среди прочих выделяется своим видом. Однако ремонт его давно не поддерживается, и он приходит в ветхость. Главным человеком в деревне считается Архип Герасимов. Он выходец из северных карел. Пришел сюда с отцом Герасимом по торговым делам в монастырь да так с тех пор и прилепился к этой земле. От длительного общения со старообрядцами семья переняла двуперстие, а посещать церковь стала лишь по большим праздникам. В доме иконы выговского письма и литые распятия и складни. Все эти предметы, как мне удалось выяснить, изготовлены в монастыре в конце прошлого века.

В молодости Архип часто встречался и беседовал с большаком. Тот мало-помалу научил его грамоте и читать».

МЕДНОЕ ДАНИЛОВСКОЕ ЛИТЬЕ

Не могу не остановиться еще на одном из писем Григория Изотова, где речь идет о медном литье. Сведения об этом удивительном ювелирном искусстве разрозненны. А потому рассуждения Изотова представляют несомненный интерес.

«Впервые с медным литьем я встретился в доме Герасимовых. Это литье особого рода. Предметы незначительных размеров. Некоторые даже меньше моей ладони. Смотрел, и не верилось, что здешние мастера-самоучки нашли такую технологию их изготовления, которая позволила добиться удивительно точных и пластичных линий для изображения ликов святых и целого ряда библейских сюжетов. Особенно все это наглядно представлено на четырехстворчатых складнях. На них размещено двадцать сюжетов! Выговские мастера утверждали свои старообрядческие каноны как на меди, так и на дереве.

Огорчительно. Но самому мне на Выге побывать не удалось. Зато Архип подробно описал мне процесс изготовления этих складней. А они были и двухстворчатыми, и трехстворчатыми... На первый взгляд технология их изготовления может показаться грубой и примитивной. Но как подумаешь об условиях и возможностях выговцев, то ничего удивительного в этом не покажется. Для любого литья нужна форма. Они для нее избрали березовый нарост, самый крепкий древесный материал. Заготавливались эти наросты – капы впрок и высушивались в особых печах, что придавало им еще большую крепость. Нарост после этого разрезался на две поло-

винки, и между ними помещалась модель будущего оригинала. Затем половинки скреплялись между собой намертво, чтобы, как говорится, комар носа не подточил. И снова вся эта штука выдерживалась в горячей печи при нужной температуре. Затем модель извлекалась и половинки соединялись вновь таким же способом. Сбоку делалось небольшое отверстие, и в него заливался жидкий сплав. Вот примерно таким образом и производились складни, распятия, иконки и другие мелкие изделия...»

Надо ли говорить, что эти строки вызвали в моей душе особые чувства. Где-то в середине пятидесятих годов в гости ко мне в Петрозаводск приехал мой дядя из Пигматки Василий Васильевич Герасимов. И приехал не с пустыми руками. Кроме красной рыбы (он работал бригадиром рыболовецкой артели) в его сумке что-то было, это «что-то» странно и непривычно позвякивало. А когда все извлекли на стол, я увидел четырехстворчатый складень и несколько маленьких иконок.

– Хочу отнести в церковь. Стало неловко держать в доме. Часто заглядывает районное начальство, так что от греха подальше...

Я вызвался сделать это за него, но по здравому размышлению оставил у себя как память о матери. Ведь и ее руки не раз прикасались к этим святым предметам. Тогда мне было к тому же невдомек, что нести в православную церковь старообрядческие иконки было бы делом кошунственным. Но какое-то чутье мне подсказало, что делать этого не следует.

А по прочтении писем Григория Изотова я тоже заинтересовался технологией изготовления мелкой пластики, тем более что к тому времени моя изначальная коллекция выросла до пятидесяти предметов. Я стал интересоваться, нет ли каких-либо сведений о выговском литье в других источниках. И кое-что найти удалось. Так, в той же книге Н.Я. Озерецкого имеется описание некоторых ремесел Данилова. Так еще коротко именовали монастырь местные жители и сами его обитатели. И вот о чем, в частности, писал достопримечательный академик: «...близ завода кожевенного медеплавильная стоит фабрика, на которой в двух горнах отливают медные образы и складни, в другом месте полируют, наводят финифтью и продают приезжим богомольцам». Никаких более подробных сведений об этом производстве в книге у Озерецкого не приводится. Но спустя почти сто лет подробности этого дела заинтересовали другого путешественника-этнографа В.Майнова. И вот что он отметил в своей книге «Поездка в Обонежье и Корелу», изданной в 1877 году в Петербурге в типографии В. Демакова:

«Так же, вероятно, с некоторыми особенностями

изготавливались и восьмиконечные кресты, трех- и четырехстворчатые складни. Многие литые изделия украшались разноцветной финифтью – белой, голубой, синей и черно-синей.

На первых порах складни были трехстворчатые, размером 50x70 мм, имели сверху маленькие отверстия для продевания нитки. Владельцы носили их на груди во время поездок на богомолье и по другим делам. Боковые части иконок открываются и закрываются с помощью шарниров. В центральной части складня изображен тот или иной почитаемый святой, а на боковых половинках – ангелы, апостолы Петр и Павел.

В доме большака я видел два прекрасных трехстворчатых складня, датированных 1720–1721 годами. Они латунные, с разноцветной финифтью. Есть и более поздние – четырехстворчатые. На каждой из створок изображается по пять библейских сюжетов. Эти складни могут считаться большим достижением выговских литейщиков и ювелиров. Каждая из четырех сторон складня делится в свою очередь на четыре части. В трех из них изображены новозаветные события, а на четвертой – четыре явления иконы Богородицы.

Медные кресты лились разных размеров, и все они были восьмиконечными. В самой верхней части – Нерукотворный Спас, в то время как в никонианских крестах в этой части размещался Бог – Саваоф...»

В монастыре была иконописная мастерская. Наряду с опытными мастерами в ней работали и обучались трудному искусству иконописи наиболее талантливые подростки из числа жителей соседних селений. В очерке «Сельские живописцы» («Сотворение красоты», М., «Советская Россия», 1982 г.) я подробно рассказал о талантливом крестьянском юноше из заонежской деревни Космозеро Михее Абрамове, обучившемся искусству иконописи в Данилове. В последующие годы он открыл у себя в деревне целую мастерскую и приобщил к этой работе сына Ивана. Иван продолжил традиции отца и вместе с ним расписал немало церквей и часовен своего края. Абрамовские иконы и вообще иконы выговского письма и сегодня еще можно встретить во многих домах Заонежья. В том числе и церковные иконы, вынесенные местными жителями из храмов в годы их закрытия и поругания веры.

В женском монастыре на Лексе была писчая изба. Здесь грамотные молодые монахини занимались перепиской книг местных писателей-полемистов, начиная с Андрея Денисова, «Жития», духовных стихов, в том числе и своих сочинителей.

В ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

К счастью, судьба многих этих рукописей и свитков оказалась более счастливой, чем у икон. Во время декады карельской литературы в Москве и Ленинграде в 1970 году я познакомился с Владимиром Ивановичем Малышевым, основателем и заведующим древлехранилища Пушкинского дома. Даже среди специалистов узкого круга он по праву считался лучшим знатоком и толкователем жизни и творчества Аввакума. Был он первоклассным палеографом, неутомимым собирателем и исследователем рукописей. Во многом благодаря его стараниям древлехранилище обладает рядом текстов, известных только в единственном списке. В собрании хранятся подлинные жемчужины древнерусской письменности. Это, например, уже упоминаемый мной пустозерский сборник Заволоко с автографом протопопа Аввакума и инока Епифания; автограф старца Авраамия, книжка, написанная сподвижником Аввакума попом Лазарем и другие. Здесь хранятся ценнейшие источники по истории и культуре нашего края. Они сосредоточены в карельском собрании рукописных книг XIV–XIX веков. Это собрание является одним из самых замечательных территориальных фондов. Оно насчитывает свыше 700 рукописей и свитков.

Особо хочется сказать о выговской литературе XVIII–XIX веков Выговского старообрядческого обществения, которому, кстати сказать, скоро исполнится 315 лет со времени основания. Оно просуществовало свыше 150 лет и выдвинуло из своей среды большую плеяду талантливых писателей-полемистов. А трудами одаренных выговских летописцев и книгописцев, художников – выходцев из простого народа, был создан свой неповторимый стиль книжного орнамента и рисунка. Выговские исторические и литературные произведения отличаются оригинальностью формы изложения и содержат множество сведений из местного быта, важных для понимания жизни и духовных запросов местного населения. Подбор выговской литературы Пушкинского дома можно без преувеличения назвать одним из самых крупных в нашей стране. Причем многие из представленных памятников являются не только редчайшими документами, но и оригиналами, не имеющими списков.

СКАЗИТЕЛИ-СТАРООБРЯДЦЫ

Жизнь и творчество четырех поколений сказителей рода Рябининых – особая страница народной культуры Заонежья. И, рассматривая ее, нужно

иметь в виду, что представители первых двух поколений – Трофим Григорьевич (1791–1885 гг.) и его сын Иван Трофимович (1833 – 1909 гг.) были старообрядцами, и это обстоятельство не могло не оставить свой отпечаток не только на их сказительской деятельности, но и на характерах, взглядах, стиле бытового поведения. Они не позволяли себе пить и курить, употреблять бранные выражения, ревностно чтити посты, иные атрибуты веры. Отец Трофима носил фамилию Малинин. Но почему Трофим стал Рябининим? В детстве, оставшись без родителей (их настиг шторм на осенней ряпушковой путине, и они погибли), Трофим воспитывался в родной деревне Гарницы всем миром. В шестнадцать лет женился в деревне Середка на дочери состоятельного крестьянина Ивана Андреевича Рябинина и вошел в его семью. По крестьянским обычаям того времени примак должен был взять и фамилию тестя. Так появился Трофим Рябинин, будущий знаменитый сказитель.

Середка – через неширокий пролив от Кижей. Со времени памятного Кижского восстания (1769–1771 гг.) прошло каких-то пять лет. Но южная часть Заонежья все еще волновалась. Непокойно было и в самих Кижях. Народ, притесняемый властями и страдавший от казенной повинности, на сходках проявлял открытое недовольство. Усмирители были начеку и для острастки решили принародно наказать некоторых непокорных. Тридцать пять розог досталось и двадцатилетнему Трофиму. А его тесть Иван Андреевич получил сорок. А произошло это так. Офицер команды усмирителей спросил у Трофима:

– Откуда, молодец, будешь ?

– Мы гарницкие. Тут и наши мужики были.

– Вот те раз. Как же ты сюда попал ? Ведь Гарницы – монастырская деревня, и смутьянов там быть не должно.

Трофим помялся и пояснил, что он недавно принят в дом к Рябинину и теперь живет в Середке.

– Зачем же ты бунтуешь ? Еще, поди, ни разу и на казенных работах не побывал, а туда же...

– Как люди, так и я, – несмело потупился Трофим.

– Тесть это тебя втянул в смуту. Все эти староверы – известные смутьяны. А тебя я на первый раз прощаю.

Тестю Трофима было приказано выдать сто розог как одному из главных подстрекателей схода. Но староста знал, что такое наказание старик не вынесет. И он сумел убедить начальника команды, что если Иван Андреевич умрет прямо на лавке от побоев, то может начаться новое волнение. Офицер подумал и велел дать семьдесят пять розог. Но староста стал вновь убеждать его, что и такое наказание ста-

рику не по силам. Жена и теща Трофима запричитали, словно навеки прощаясь с отцом и мужем. И тут Трофим обратился к офицеру с просьбой принять наказание за тестя на себя. Тот улыбнулся и похвалил зятя за преданность.

– Семьдесят пять на двоих!

После этого с неделю Трофим с трудом мог садиться. А его тесть до конца дней своих чувствовал на себе эти казенные «гостинцы». Зятя он оценил по достоинству и завещал ему все свое хозяйство.

Старообрядцам, в каких бы обстоятельствах они ни оказались, была присуща мужественная последовательность. Может быть, их поступки не всегда были правильными с точки зрения чисто житейской логики, но никто не мог их упрекнуть в трусости или безнравственности. Их вера в свои духовные идеалы была неколебима, но не находила понимания и даже человеческого сочувствия со стороны высших иерархов церкви и властей. А в силу этих причин ставила староверцев в условия, иногда несовместимые с нормальной человеческой жизнью. Но об этом ниже.

Что же касается духовного облика самого Трофима Григорьевича и его сына Ивана Трофимовича, перенявшего не только отцовскую веру, но и его сказительский талант, то они достойно несли по жизни не только родное былинное слово, но и нравственную чистоту мыслей и поступков. Всегда и при любых обстоятельствах они умели отстаивать свое крестьянское и человеческое достоинство. Вот лишь несколько примеров того.

Когда собиратель и исследователь былин П.Н.Рыбников попросил своего собеседника крестьянина Леонтия Богданова, тоже случайно застигнутого непогодой на острове, познакомить его с Трофимом Григорьевичем, тот ему ответил:

– Нет, Павел Николаевич, сначала мне самому следует к нему навеститься. Мужик он гордый, так сразу от него ничего не добьешься.

Тут необходимо было учитывать и то обстоятельство, что в каждом приезде городском человеке крестьяне прежде всего привыкли видеть чиновника, который выколачивал из них подати, а то и занимался прямыми поборами. Чего, естественно, Трофим Рябинин не мог терпеть. Известен, к примеру, такой факт. Один из полицейских чиновников попросил у Трофима Григорьевича взятку за какое-то дело. Рябинин отказал. И случилось этому чиновнику спустя время проехать через Середку. Лишь только он завидел Трофима, как тут же бросился на него с поднятыми кулаками. Сказитель спокойно его отстранил и сказал твердо:

– Ты, Ваше благородие, это оставь. Я по этим делам никому еще должен не оставался.

Житейская степенность и уважение к своему сказительскому дару заключалась и в том, что он категорически отказался от какой бы то ни было платы от Рыбникова «за науку». Ему было вполне достаточно и того, что ученый человек с таким вниманием и почтением беседовал с ним, слушал и записывал былины. Заметим, кстати, что Рыбников первым из собирателей записал рябининские былины. И все же на прощанье Павел Николаевич подарил его большухе платок. Однако сказитель и тут не остался в долгу и одарил гостя шитым полотенцем. Они и потом не раз встречались и в Заонежье, и в городе на квартире Рыбникова, куда Трофим Григорьевич, неизменно следуя своим староверческим обычаям, приезжал со своей чашкой, ложкой и кружкой, а в красном углу комнаты ставил староверческий складень. Рыбников уважительно относился к его вере.

У потомков Рябининых в Петрозаводске как дорогая реликвия хранится трехзубчатая, щербатая от времени, вилка Ивана Трофимовича, с которой он объехал всю Европу в 1902 году. Поездка эта была организована с целью выступлений во множестве городов, где он исполнял былины в учебных заведениях и даже при королевских дворах. Привез множество наград и золотую медаль. В поездке его сопровождал учитель словесности Петрозаводской гимназии Павел Виноградов. Жил сказитель в хороших гостиницах. Кормили бы его, наверно, и из серебряной посуды, но, верный староверческим обетам, он возил с собой всю необходимую ему дорогую утварь. Безделье, даже вынужденное, сказитель считал за грех. И неудивительно, что даже там занимался вязкой сетей.

Павел Тимофеевич старался показать Ивану Трофимовичу красоты и достопримечательности того или иного города. И нельзя сказать, что сказитель к этому не проявлял интереса. Поначалу он даже охотно посещал выставки и магазины. В Вене Виноградов повел его в картинную галерею. И те картины, на которых были изображены рыцари на конях, он рассматривал с удовольствием. Эти полотна напоминали ему былинных богатырей. Но вот сказителя-старообрядца подвели к картине с обнаженной женской фигурой. Он поначалу как будто оцепенел, но вскоре молча отвернулся и направился к выходу. Больше его по музеям не водили.

Пестрота событий и смена впечатлений начинали его утомлять, и он уже не раз заявлял, что готов бросить все и уехать «к своим детушкам» и «к своей скотинушке». Но Виноградов всякий раз напоминал, что контракт следует выполнять. А сказителю не хватало уединения для раздумий и молитв. Медный четырехстворчатый складенек Выговской обители тоже вместе с ним проделал это длитель-

ное далекое путешествие. В пище сказитель был неприхотлив: рыба, овощи и, когда не было поста, мясо и молочные продукты. А во время поста Иван Трофимович предпочитал квашеную капусту и квас. И когда он выступал в Москве, организаторы его вечеров, узнав вкусы сказителя, нередко вместо чая припасали квас. Иван Трофимович охотно попивал его, доставая собственный стаканчик, с которым не разлучался в поездках. Избегал всяческих разносолов. Был в Москве такой случай. Одна знатная особа собирала народные песни и причитания только потому, что ее бабушка была когда-то крепостной. И этим она подчеркивала близость к простому народу. Она пригласила сказителя в гости. Желая ему угодить, распорядилась приготовить великолепный ужин. За хорошим угощением, решила она, и разговор будет хорошим и доверительным. Но, увидев на столе это праздничное изобилие, Иван Трофимович замкнулся. От ужина отказался, и разговор не получился.

ДВЕ ВЕРЫ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

В 1870 году Иван Трофимович овдовел и переехал с двумя сыновьями, еще малолетним Павлом и Василием, в Гарницы, на родину отца. И тоже стал примаком в доме зажиточной семьи Андреевых. Здесь он женился на молодой вдове Анастасии, матери будущего сказителя Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева, которому в ту пору было шесть или восемь лет. Но поскольку тестя в живых не было, то и фамилию ему менять не пришлось. Наоборот, фамилия Рябининых стала с тех пор в андреевском доме главной. Будущие два сказителя этого дома Иван Герасимович и его сын Петр Иванович стали именоваться не только в фольклорном мире Рябиниными-Андреевыми.

Иван Трофимович полюбил приемного сына всей душой. Этим отчасти объясняется и тот факт, что пасынок так легко и быстро усвоил и воспринял сердцем сказительское наследство отчима. На рыбной ловле или при вязке сетей, на пожне или в лесу Иван Трофимович находил часок, чтобы пропеть былину, и всячески стремился пробудить в любознательном мальчике интерес к этому. А тот проявлял большое радение.

Иван Трофимович с переездом в андреевский дом староверческих привычек и уклада менять не хотел. А ведь андреевская семья от седьмого ее колена, от основателя андреевского дома в Гарницах – Афанасия, занесенного в четырнадцатом веке в монастырские святцы за услуги, оказанные в деле обращения язычников в христианскую ве-

ру, гордилась своими православными традициями и славными предками. Родственники и соседи осуждали Анастасию за решение выйти замуж за старообрядца и впустить в святой андреевский дом чужую веру. Но благодаря любви, терпимости, миру и согласию две веры под одной крышей стали мирно уживаться. Рядом с православными иконами появилась и старообрядческая, донико-нианская. Через несколько лет Анастасия приняла веру мужа. Иван Трофимович не требовал от жены выполнения староверческих правил. Церковные обряды он не любил. Священнослужителей не жаловал. Если увидит в окно, что в дом направляется священник, поднимался на чердак.

За домом на задворках росла раскидистая сосна. Ее можно заметить на снимке андреевского дома 1939 года. Иван Трофимович считал ее священной и по утрам ходил к ней молиться.

Все переживания, связанные с переходом от одной веры к другой, Анастасия таила от всех в душе. Иногда ей снился первый муж Герасим и упрекал ее. И тогда она начинала молиться тем и другим иконам. А это еще больше разрушало ее и без того хрупкое сознание. Муж нередко заставлял ее в слезах, но и ему раскрыть до конца душу она не могла. Он многое понимал. Старался проявлять такт и в свою очередь поступался некоторыми привычками. Но все же двойственное ее отношение к религии, занимавшей в крестьянской семье значительное место, недомогание и начавшийся разлад между сыновьями – все это послужило причиной тихого помешательства. Но ей было суждено и в таком состоянии пережить Ивана Трофимовича на пять лет. А когда в 1909 году его не стало, большую мать взял к себе Иван Герасимович. Перед кончиной отец призвал к себе сыновей и завещал им разделить поровну оставшиеся от его поездок деньги, две золотые и серебряные медали и другие ценные вещи.

СТАРООБРЯДЦЫ И ГРАМОТНОСТЬ

Старообрядчество оставило в Заонежье глубокий след на многих сторонах духовной жизни населения края и прежде всего примечательно тем, что приобщило к грамоте самые широкие слои крестьянства, торговцев и ремесленников. Начиная с середины девятнадцатого века старообрядческую литературу – будь то книга проповедей, апокрифов или жизнеописаний святых, можно было встретить чуть ли не в каждом доме. Основным рассадником этой грамотности был, конечно, Даниловский монастырь со своими подвижниками.

Человека любознательного, стремившегося при-

общиться к грамотности или ремеслу, все здесь к этому располагало и подталкивало. В Выговской библиотеке занимали достойное место такие книги, как «Грамматика Смотрицкого», шесть разновидностей риторики Раймунда Луллия, патерики (сборники повествований о подвижниках), четьи минеи (сборники житий святых, «слов», поучений, сказаний, расположенных в порядке дней каждого месяца), травники, духовные стихи и песни... Выговцы положили на ноты два произведения Ломоносова «Утренние размышления о Боге» и оду из «Иова». Есть сведения, что Ломоносов в годы своего отрочества два года провел в Данилово. Здесь он приобщился к иконописи, а будучи грамотным подростком, перечитал всю монастырскую библиотеку. Вероятно, был знаком и с технологией медной мелкой пластики. Все эти знания и навыки пригодились ему в Петербурге, когда он выходил на широкую дорогу ученого, не брезговавшего своими руками налаживать то или иное производство.

В пору расцвета монастыря там работали талантливые иконописцы, ювелиры, толкователи Поморского Согласия, переписчицы книг, художники. Вся эта разнообразная продукция находила спрос далеко за пределами Заонежья. Даниловцы чеканили серебряные монеты, и их охотно приобретали норвежские торговцы. Выговские суда бороздили воды Белого моря, и некоторые из них добирались даже до Америки.

Уездные отчеты за 1856 год свидетельствуют о том, что такие центры, как Шуныга и Толвуя, были особенно сильно заражены расколом. В 125 селениях раскольники обучили грамоте 219 человек обоего пола. И, кроме того, 320 человек грамотных, вероятно, тоже ранее обученных староверами, тяготели к расколу. Но как бы там ни было, а общий уровень грамотности в нашем крае уже и в те годы был достаточно высоким.

О том, как обучали раскольники грамотности не только своих, но и соседских детей, имеется множество примеров. Вот лишь некоторые из них. В Кажме шестидесятипятилетний Иван Телегин организовал в своем доме школу для детей из соседних деревень. У него хранилось множество книг из Даниловского и Лексинского монастырей. Нельзя сказать, что делал он это совершенно бескорыстно. Но та незначительная плата, которую приносили родители за обучение своих детей, доставляла ему средства к существованию.

В деревне Верхнее Мягрозери жил старообрядец Иван Ефимович Мехтюль. Фамилия, вероятно, немецкая. Что из того? На нашей речке Путка содержал небольшую мельницу и свой хутор мельник по фамилии Коммер. Это было уже на моей памяти.

– Куда пойдем сегодня купаться? – спрашивал кто-либо из моих ровесников. Мест любимых у нас было несколько, в том числе и песчаный берег Онежского озера в километре от деревни, как раз напротив Палеостровского монастыря, тоже старообрядческого.

И нередко в такие дни один из нас предлагал:

– Побежим к Коммеру.

Там около запруды было хорошее место для ныряния. В конце тридцатых Коммер исчез. А куда, сейчас я уже и не припомню. Видимо, какое-то количество обрусевших немцев в разные годы осело и на нашей земле. А некоторые из них даже стали староверами. Что касается Ивана Ефимовича Мехтюля, то, по имеющимся данным, можно утверждать, что он был человеком высокой начитанности и незаурядной эрудиции в вопросах старообрядческой идеологии. В своем уезде он был, возможно, главным наставником и учителем Поморского Согласия. Сведений о нем дошло, к сожалению, не так уж и много. По всей вероятности, несколько лет в молодые годы он провел в Данилове.

Получил там первоначальное образование. Крепко усвоив уроки наставников, он и в дальнейшем продолжал свое обучение. Опыт жизни и скрытая борьба с представителями церкви и местными чиновниками, которым было вменено в обязанность наблюдать за действиями староверцев и доносить на них, заставляли его быть осторожным в своих действиях по распространению дониконианского вероучения. Он старался незаметно посещать деревни Шуньгского, Каросозерского и Мелойгубского приходов, где исповедовал своих единомышленников, отпевал умерших, перекрещивал малолетних и справлял в молельнях и часовнях службу в праздничные дни. Давал детям и взрослым уроки грамотности. Помогал людям составлять необходимые жалобы и прошения. Писал под диктовку письма дальним родственникам, крестьянским сыновьям, отбывавшим «злодей-

скую службу государеву», как скажет в одном из своих причитаний заонежская вопленица Ирина Федосова.

В бедных домах Мехтюль совершал все эти обряды чаще всего безвозмездно. Но в богатых (а таких в крае становилось все больше и больше) не брезговал подношениями в виде денег и натуральной оплаты, что и давало ему средства для безбедного существования. У него было двое богатых сыновей, и жили они одним домом с отцом. Поддерживали его во взглядах на веру и, как могли, помогали ему в миссионерской деятельности.

Иван Ефимович избегал открыто высказывать свои взгляды, особенно в присутствии священнослужителей. Пастырей старообрядчества преследовали весьма жестоко, вплоть до выселения со своей земли и лишения хозяйства. Не случайно же в уездных отчетах высшему начальству количество тайных раскольников всегда преобладало над явными.

Мюхтель был осторожен, но свои убеждения все же не скрывал, потому и удостоился настойчивого требования местных властей о высылке его в административном порядке. Мотивы такого требования были весьма примечательны: «...потому не в Шуньге, не в Толвуе, которые он посещает, не найдет обличителей его противозаконных действий. Особенно необходимо это сделать для Шуньги, где правительство еще не касалось до настоя-

щего времени раскола. А местное начальство и сотские сами по большей части заражены расколом, хотя иногда для виду и ходят к исповеди».

Староверческую литературу еще на моей памяти в конце тридцатых годов можно было встретить во многих домах. Но, видимо, в эти годы преследовали не только за антисоветские убеждения, но и за религиозные наклонности, какой бы окраски они ни были. В мою душу навсегда запал один весьма примечательный эпизод. Это произошло поздним зимним вечером 1939 года. Было мне в ту пору лет восемь. Перед нашими ок-

нами резко скрипнули полозья саней, и подвода остановилась.

– Приехали, – сказала мать и молча посмотрела на отца.

– Делать нечего, надо идти разгружать, – ответил он и, словно нехотя, поднялся с лавки.

В их кратком диалоге была какая-то для меня таинственность. Они переговаривались намеками, обрывками фраз, из которых я никак не мог понять, кто же к нам приехал, и что собирается разгружать отец.

Приехавший человек в избу не зашел. Родители оделись и вышли на улицу. И я вскоре услышал, как заскрипела чердачная лестница, а потом на пол чердака ставились тяжелые предметы. Меня разбирало любопытство, что там привезли? В сенях было холодно, и я не решался выйти, а одеваться не хотелось. Отец с матерью долго не возвращались, и сон сморил меня.

Только утром, опять же из разговора родителей, я узнал, что привезли к нам на сохранение из Шуньги старинные книги. На полу чердака стояло несколько мешков с ними. Часть книг была в кожаных переплетах, иные и совсем без обложек. На некоторых страницах большие заглавные буквы напоминали мне ярких снегурей. Книги были большие и маленькие, толстые, как деревянные шкатулки, а иные – с медными застежками – напоминали дорожные чемоданы. Тем же утром они были надежно упрятаны в нашу тайную «ухоронку», там же на чердаке под полом. Она закрывалась пласхой, которая ставилась на ребро у основания русской печи. Любопытно отметить, что и на чердаке у нас стояла русская печка. Думаю, что никто в деревне об этой «ухоронке» не знал, потому родители и согласились спрятать эти книги. Мне, разумеется, строго-настрого было наказано никому об этом не говорить. И, надо сказать, я сдержал обещание. Дом наш во время войны сгорел, а вместе с ним и все семейное добро. С собой мы сумели взять в эвакуацию самое необходимое. И, кажется, одну из тех книг.

Эту неоценимую утрату я осознал в полной мере спустя лишь многие годы, когда в Пушкинском доме познакомился с Владимиром Ивановичем Малышевым. Он-то впервые и раскрыл мне глаза на жизнь раскольников Заонежья и культурно-историческое значение Даниловского монастыря.

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЧАСОВНЯ

В моей родной деревне Хашезеро, что в пяти километрах от Шуньги, довоенного районного центра Заонежья, уже много лет без присмотра стоит часовня святых Кирика и Улиты. Вернее, стоит то,

что от нее осталось. Внутреннее убранство было снято еще накануне коллективизации. А вскоре она была превращена в сельский ларек. Пережила войну, оккупацию и вновь стала ларьком. И только в 1957 году лишилась своего главного атрибута – колокольни. И не по указанию местных властей, а по здравому соображению местных плотников, ремонтировавших крышу. Колокольня обветшала и могла рухнуть. Конечно, вместе с крышей и ее можно было бы восстановить, но проще оказалось снести. Реставрацией в те годы не занимались.

По преданию, часовня Кирика и Улиты была построена на месте сгоревшего в конце XVIII века храма, который стоял здесь с начала XVII века, то есть до никонианской церковной реформы, и, по сути, оставалась старообрядческой часовней до самого последнего времени. Установить точно, когда деревне был дан этот престол, мне не удалось. Наша округа, состоявшая из семи небольших деревень, отмечала два престольных праздника – День святой Екатерины 7 декабря и день Кирика и Улиты 28 июля. Насколько я помню, старожилы называли часовню именем этих святых. Так считали и до сих пор считают жители нашего края. И только совсем недавно я выяснил, что по документам часовня называется Екатеринбургской. За этими сведениями я обратился в архив Управления охраны и содержания памятников Министерства культуры Республики Карелия. Для верности обратимся к документу.

«Заказчик и строитель неизвестны. Срублена в XVIII веке. В конце XIX века притвор надстроили на шесть венцов под общую крышу с кафаликоном. Над притвором была построена колокольня... Реставрационные работы не проводились.

Часовня представляет собой равновысокий и равноширокий клетский объем под двускатной крышей. Стены срублены из сосновых бревен «в обло», в пределах помещений гладко отесаны «в лас». Габариты плана – 7,37 x 4, 34 м.

Представляет историко-архитектурный интерес как пример традиционной культовой постройки Заонежья XVIII века».

Праздник Кирика и Улиты отмечался более широко по сравнению с Екатериной. Если последний проходил в основном в домах при керосиновых лампах, а еще ранее при лучине, то в Кириков день, как правило, стояла солнечная погода и до наступления ночных сумерек на деревне шло массовое гулянье – игрище. Приезжало много гостей из других деревень. Молодежь танцевала, пела песни, а люди постарше тоже тянулись к общему веселью и с любопытной ревностью приглядывались, с кем гуляют их дочери и сыновья. Я не помню, чтобы существовали какие-либо запреты на проведение религиоз-

ных праздников, и скорее всего никаких прямых указаний на этот счет не было. Хотя на собраниях партийных и комсомольских ячеек их членам принимать участие в таких праздниках не рекомендовалось. Но и эти запреты тоже не выполнялись.

Мои земляки едва ли задумывались, в честь какого же Кирика (ибо чаще всего называлось только имя этого святого) была освящена часовня, и помню, один древний старик в пятидесятые годы минувшего столетия уверенно заявлял, что в честь его прадеда Кирика. И земляки ему верили. Прямо скажем, их христианская грамотность была далеко не на уровне. Но чем же прославились и стали почитаемыми Кирик и Улита? Об этом я прочел в одной из четырёх минеи. В 70-х годах прошлого века я выступил в районной газете и рассказал об истории нашей часовни и о том, как на моей памяти проходил праздник в Кириков день. Пришлось огорчить своих земляков и поведать о том, что святой Кирик и Улита далеко не русского происхождения. Жили они в Древнем Риме в годы правления римского императора Диоклетиана, который правил с 284 по 305 г. н.э. Отличался исключительной жестокостью и подвергал гонениям христиан. Великомученики Улита и Кирик, ее сын, были подвергнуты лютым пыткам.

В день праздника люди, не занятые работой, шли на кладбище в километре от деревни навещать усопших родных. В погожий день песчаный берег озера превращался в место массовых гуляний. Люди семьями пили на природе чай из родниковой воды. Вода этого родника, бьющего и сегодня, имеет железистый привкус и считается целебной. Устраивались поминки по родным.

Раскольники, а вся наша округа была именно такой, отпевали умерших через своих требоисправителей до прибытия священника. И когда последний совершал обряд (открыто этому противиться было невозможно), никто из раскольников не молился. Священник, как правило, отпевание совершал в часовне. И едва он удалялся, окончив свою требу, как раскольники окуривали усопшего ладаном, снимали с него поповский венчик и заменяли его даниловским. После этого торжественно с пением покойного несли на кладбище.

А что оставалось делать тем старообрядцам, в чьих часовнях и церквях непрерывно шли православные службы и обряды? Они устраивали закрытые молебни, нечто вроде домашней часовни. Так, в деревне Батово Паяницкого прихода Шуныгской волости Матвей Анисимов от дома через сенцы устроил особую горницу, которая имела значение староверческой моленной. В ней висели старые образа, теплились лампадки. По слухам, они были принесены из православной ча-

совни, сгоревшей перед этим. Во время пожара часть икон люди успели вынести.

В день памяти Александра Невского, 30 августа по старому стилю, к Анисимову съезжались гости из Толвуи и Шуныги для отправления службы. В это же время появлялась и его племянница, бывшая даниловская монастырка Агафья Ефимовна, издавна осевшая на проживание в Лексе. А также невестка его, вдова Синклетия Егоровна с дочерью Ириной. В этой же деревне наряду со многими старообрядцами проживал и даниловский сборщик. Вероятно, многие старообрядцы, главным образом разрозненные, имели нечто вроде общественной кассы. Сборщика этого звали Федором Максимовым, и он обладал к тому времени порядочным состоянием, хотя в документах не уточняется, пользовался ли он этим капиталом по своему усмотрению или имелся какой-либо коллективный совет по расходованию собираемых средств.

СТРАСТОТЕРПЦЫ

Раскольники редко изменяли своему верованию, обычаям и укладу жизни. Подобно духовному отцу раскола протопопу Аввакуму, стойко переносили все лишения и удары судьбы. Но их силы в борьбе за свой образ жизни и формы верования с церковью и властями были слишком неравными. И все же в своей отчаянной стойкости они проявляли удивительную крепость духа.

Раскол – явление чисто русское. Это была болезнь общества и церкви. Раскол возник во второй половине XVII века, а дух его не выветрился и до сегодняшнего дня. А ведь все начиналось внешне без каких-либо кардинальных перемен. Никон решил исправить несколько богослужебных книг и церковных обрядов. Все ли раскольники знали историю церковного раскола? Конечно, нет. Но какая-то неведомая сила заставляла их верить в истинность своего верования. И если бы на старообрядчество не было гонений, образ их жизни и формы верования не принимали бы крайних форм фанатизма и активного сопротивления. Примеров тому великое множество.

В деревне Щепино проживал богатый раскольник Степан Пальчиков. Он имел в Шуныге большое влияние и отличался особенной преданностью расколу. Взгляды свои среди народа даже не пытался скрывать и при всяком удобном случае призывал земляков следовать своей вере, самой истинной и способной сохранить душу от происков дьявола. Он открыто поносил православие и духовенство. Дело кончилось тем, что Степан Пальчиков вместе с семьей подвергся административной высылке. Увозили их ранней зимой на санях, как в свое время боярыню

Морозову. Проводить Пальчиковых собралось много людей, и местная вопленица Екатерина Пономарева исполнила на разлуку плач, вызвавший у многих провожавших неподдельные слезы.

Сказители Рябины за свою веру открыто не преследовались, видно, повода к тому прямого не давали. В Пигматке проживали пятеро наемных работников, выходцев из Пскова. Закоренелыми раскольниками здесь власти считали Степана Егорова и Анну Сидорову. В их доме постоянно останавливались раскольники. В летнее время через Онего они перевозили хлеб, рыбу и другие товары.

Степан Егоров был сызмальства воспитан в расколе в монастыре, где выучился хорошо читать и писать. Любил старопечатные книги и подолгу над ними засиживался в долгие зимние вечера. В доме хранилось несколько десятков различных книг, в том числе немало рукописных крестьянских апокрифов. Но во избежание разорения своего хозяйства и переселения в другое место «покрыл себя», как тогда выражались, именем православного христианина. Принял брак в приходской церкви и дал подписку исполнять христианские обычаи и обязанности. Но время показало, что он «не оставил своих заблуждений», как доносил на него урядник. Проследить дальнейшую судьбу Егорова из Пигматки мне, к сожалению, не удалось. Судя по всему, Егорова выселили, потому что даже воспоминаний об этой фамилии среди местных жителей не осталось. Вот когда уже в России и у нас на Севере, в частности в Заонежье, закладывался опыт будущих раскулачиваний и выселений...

А ведь раскольники никому не мешали. Скорее напротив, они были законопослушными людьми и стремились быть полезными своему Отечеству. В их среде не возникало уголовных дел, не появлялось революционеров-динамитчиков. Это была наиболее трудолюбивая часть крестьянства, что легко показать на примере становления Выговского общезжителства, и короткая справка об этом будет дана чуть ниже. Раскольники, как уже было сказано, выделялись своей грамотностью, владением самыми тонкими ремеслами. И правительство сделало глубочайшую историческую ошибку, решив покончить с расколом методом репрессивных гонений.

И еще один характерный пример того, что даже отречение от веры под натиском жизненных обстоятельств оставляло в душах раскольников неколебимую суть староверческих убеждений.

В деревне Морская Сельга проживал однофамилец, а возможно, и родственник пигматского Егорова – 66-летний крестьянин по имени Петр. Этот раскольник, согласно одному из донесений местных надсмотрщиков, был «предан своему заблуждению

до фанатизма». Петр Егоров был не просто грамотным человеком, но и обучал детей в деревне. Он устроил в своем доме молельню. В 1837 году за свои сектантские, или, как еще тогда писали «сектаторские», действия Егоров был подвергнут преследованию. Во время исполнения служебного приговора он запер в моленной земского исправника Вакуревича и священника Гилеранского, когда они «сымали со стен образа». Первого из них Егоров назвал грабителем, а второго – недостойным носить священный сан. По этому поводу производилось дело.

Продолжительность тюремного заключения сильно повлияла на характер Петра Егорова. Первоначально он решил уморить себя голодом. Но его единоверцы, навещавшие заключенного в Повенецкой тюрьме, склонили несчастного изменить свое решение, чтобы сохранить жизнь, данную Богом. Под влиянием этих уговоров он согласился обратиться в православие и исполнить христианский долг. Дал подписку принять святое причастие и лишь после этого получил свободу.

Но стал ли от этого Петр Егоров счастливее? Нет, скорее еще несчастнее. Много житейских бурь испытала его исстрадавшаяся душа. Немало горьких дум пронеслось в голове. Временами ему казалось, что от него отвернулся Бог и что душу он продал Антихристу. Он потерял уважение к самому себе и по возвращении на родину решил заглядеть свою вину покаянием и постом. Сам себя посадил в подполье своего дома и долгое время не появлялся на людях. Потом вновь устроил на прежнем месте староверческую молельню, где принимал своих единоверцев и обучал канонам раскольнической идеологии детей и молодых людей. Все это производилось втайне, но разве сделаешь тайну из того, во что посвящены десятки людей. Службы совершались в холодной комнате и в сенях.

Однажды кто-то из единоверцев вовремя предупредил Егорова, что в деревню прибыл чиновник по особым поручениям. И тот сумел передать все богослужебные принадлежности своей молельни соседу – раскольнику Кайбину, а сам закрыл дом и спустился в подполье.

Небезынтересно привести свидетельство урядника, который так характеризует Петра Егорова: «Жизни он трезвой и поведения безукоризненного. Между единомышленниками считается наставником и исправником. В приходе он поколебал общее мнение и уважение жителей к священнику Гилеранскому, вызывая его неоднократно на догматические споры. В них он своей дерзостью и отчасти начитанностью, при малограмотности и раздражительности последнего, в своих спорах часто казался победителем».

Так и не отрекшийся от старой веры, Петр Егоров перекрестил (т.е. свершил обряд уже после христианского крещения по староверческим канонам) своих малолетних внуков Никона, Кузьму и Павла (Павловых), чтобы подготовить из них преемников. Усиленно обучал их грамоте.

В праздники и на Пасху отправлялся в Данилово и во все селения Масельского уезда (прихода). Совершал поминки, отпевания, давал советы единоверцам, занимался с неграмотными и возвращался домой с деньгами.

Недавно, занимаясь в архиве, я нашел документ, связанный с историей родника «Три Ивана».

Секретно
По Архиву Олонецкой Консистерии
По столу Секретному № 76, 1861 г. 9/9

Дело

О Карас-озерском колодце, называемом «Иваны». Началось 5 мая 1861 г. Кончено 7 мая 1861 г. Сдано в архив на четырех листах.

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Аркадию,
Архиепископу Олонецкому
и Петрозаводскому и разных орденов Кавалеру
Миссионера священника Михаила Дубровского

Рапорт

В бытность мою 18-20 ч. февраля сего 1861 года в Карас-озерском приходе священник Петр Раевский сказал мне, что в двух верстах от их погоста находится колодец, называемый «Иваны», вода в котором очень хорошая и притом считается священной и целительною, почему много ходит к той воде людей в летнюю пору и бросают в воду деньги. Крестьянин же карас-озерский Антон Филипов рассказал мне об этом колодце следующее: «Лет более ста назад жили недалеко от Карас-озера два брата, оба Иваны, были они люди богатые, благочестивые и держали старую веру. В то время сделалось принуждение оставить старую веру, стали притеснять и прочее, тех братьев потребовал в Шуньгу какой-то чиновник Самарин. Иваны те, убоясь мучений и не желав оставить старую веру, в Шуньгу не пошли, а затеплили ригачу, помолились Богу и заперли ригачу, где и задохнулись. Когда об этом донесено было Самарину, он приказал везти мертвых Иванов в Шуньгу. Привязали их конскими хвостами и повезли. Лишь только отвезли за две версты от их погоста, как пришло новое приказание – бросить тела. Где остановились, на том месте и похоронили, а усерд-

ствующие впоследствии поставили над могилою эту крест. Могила эта постепенно стала как будто бы возвышаться от земли и теперь составляет порядочное возвышение, а из-под возвышения этого оказался ключ, образовалось порядочное вместилище чистой воды, которая обошла около возвышения и потекла под гору. Вода эта помогала им в болезнях, и потому время от времени стали многие притекать на это место по обету, стали молиться пред крестом, пить воду и полагать в нее деньги». И время, и фамилия чиновника показывает, что это относится к комиссии Самарина, бывшей в 1439 г. для следствия в Выгорецком раскольническом общежительстве и останавливающейся в Шуньге. Крестьянин дополнил, что в Шуньгу Самарин призывал, как сказывают старики, не одних Иванов, а и многих других, которые жили побогаче, для того, чтобы взять с них. Рассказчик этого православный.

Так как это один из памятников в расколичестве, служащих очевидно во вред Православию, то считаю долгом донести о нем Вашему Преосвященству и покорнейше просить, не благоугодно ли будет учинить благораспоряжение о приведении в точную известность этого памятника раскола и об ослаблении, по возможности, вредного от него влияния. Приведенный мне в возможную точность и определенность этот исторический факт может занять страницу в истории Олонецкого раскола.

Вашего Преосвященства
Милостливейшего Архипастыря и Отца
Нижайший послушник
Миссионер священник Михаил Дубровский
№34 5 мая 1861 года
О Карас-озерском
колодце, называемом «Иваны»

РАСПРАВА НАД ДАНИЛОВЦАМИ

Особенно безжалостным к жизни и деятельности старообрядческих центров стало начало XIX века, в царствование Николая I. Тогда впрямую встал вопрос о существовании многих из них. Роковой участи, к сожалению, не удалось избежать в Выгорецки. И хотя после смерти Николая I гонение на раскол приутихло, смягченное указами Александра II, остановить догорание некогда полнокровной старообрядческой жизни было уже невозможно. 150 лет создавало свою особую культуру и идеологию беспоповское старообрядческое общежительство. Данилову принадлежали 27 скитов и 12 пашенных дворов, которые в 1838 году были отданы в казну.

Мужской монастырь был обнесен четырех-

угольной деревянной стеною. Проживало в нем до 90 непостриженных старцев и до 250 трудников. В центре находилась молитвенная теплая часовня и рядом – летняя. Возле часовни высилась колокольня в девять саженей. На ней были установлены часы, отбивающие четверти и полные часы. Медеплавильная фабрика тоже была расположена внутри монастыря, как и кожевенный завод. Для приезжающих возле монастырской стены была построена гостиница. Больница стояла продолговатым четырехугольником и была разделена на множество маленьких келий. В них находилось на лечении по три-четыре человека. Невдалеке от гостиницы размещался конный завод.

Рядом с мужским монастырем размещался женский, числившийся как отделение основного. Здесь хорошо было развито молочное хозяйство. Работницы по уходу за скотиной имели часовой распорядок работы. Зимой воду для питья скоту грели в большом медном котле. Вода накачивалась насосом (!) по желобу, а из котла выпускалась трубой в большие колодцы. Было бы чему поучиться на примере даниловских ферм и сегодняшним нашим крестьянам. Но слишком много места заняло бы одно перечисление того, чем владело Даниловское общежительство – сколько оно имело пахотной земли, выгонов и угодий и какой получали урожай различных культур. Монастырь богател, превращался по тем временам в высокоразвитое товарное производство и на этой основе вел широкую торговлю. Помимо прочего, Данилову принадлежали два лесопильных завода, несколько мельниц, шесть даниловских судов бороздили воды Белого моря. Добычу с промыслов доставляли в Сороку (нынешний Беломорск). В Архангельске монастырь имел мыловарню и салятопню, в самом Петербурге – подворье.

Но вот мы приближаемся к самой мрачной странице великого даниловского разорения. Отмечена она в истории старообрядчества 1885 годом. Вот какую картину в Данилове увидел В. Майнов, посетивший эти места через двадцать лет: «Квартира ея (Большухи. – **И.К.**) состоит из двух комнат и молельни. Главным образом печалует старушка о том, что негде помолиться: «Хоть бы одну часовенку открыли. Неужто мы не христиане и хуже татар и евреев?» И то, что я увидел здесь, могло бы убить библиофилов: книги, рукописи, иконы, утварь – все свалено в кучу и гниет преспокойным образом. «Нельзя ли, – говорю, – попользоваться?» – «Сделайте милость, – говорит, – куда нам эта негодь?» Много интересного набрал я, грешный, по крайней мере, не сгниет под лексинской колокольней...»

Большуха поведала заинтересованному путе-

шественику и о том, как жандармский офицер избивал старух староверок, просящих не запечатывать их часовню. Ничто не помогло. Гнали мужчин, женщин и детей палками и кнутами без разбора. Тех, кто имел паспорта, выслали на родину. Большака с ключами на подносе вытолкали и заставили их отдать разорителям. Так комендант сдает свою крепость неприятелю. А это и была последняя крепость старообрядчества.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СКИТЫ

Они возникли в результате всевозможных гонений и разгромов обитателей вроде Даниловского монастыря. От довоенных времен, возможно как раз от того привоза старообрядческой литературы, когда поздним вечером скрипнули полозья саней под окнами нашего дома, у меня сохранилась одна-единственная старопечатная книга «Исследования к оправданию старообрядцев». Так вот в ней имеются такие строки: «Зная, что старообрядцы беззащитны против них (*властей и церкви. – И.К.*), не имеют права заявлять свой протест и ставить его на твердую почву реальной критики, эти господа чувствуют себя с развязанными руками, позволяют себе издеваться и глумиться над здравым элементом почти 15-миллионного чисто русского народа; они позволяют себе при каждом удобном случае топтать в грязь их свято-отечественное знамя православия, их преданность к монарху и любовь к отечеству, их гениальный дух, их широкую промышленность, – словом, прогуливаются по старообрядческому вопросу на просторе, зная очень хорошо, что чем запальчивее и резче их словоизвержение, тем для них лучше».

Комментировать это высказывание нет никакой необходимости. Почему-то именно эту книгу, вместе со «Сказками Беломорья» и томиком стихов Лермонтова, мать вместе с самым необходимым домашним скарбом взяла с собой при эвакуации. Учитывая, какую роль в старообрядчестве играла ее родная деревня Пигматка, отрицать воздействие монастыря на обычаи семьи Герасимовых невозможно. И вот еще один запоздалый штрих к разговору о грамотности в старообрядческой среде. Моя мать Елена Васильевна, которую вплоть до замужества, когда ей исполнилось 18 лет, отец ее, строгий лесничий Василий Архипович, неизменно ласково называл Ленушкой, формально ни одного года в школе не училась. Но, видимо, у нее были очень грамотные наставники из Данилова. Она без усилий читала любые книги и легко воспринимала прочитанное

благодаря своей незаурядной памяти. Писала она тоже хорошо, с редкими ошибками.

По мере того как раскольники испытывали на себе все возрастающее гонение, возникали староверческие общины. Их руководители, видимо, считали, что так легче приспособиться и выжить. Одна из таких общин называлась «Странники». В других местностях были «Бегуны», что в сущности одно и то же. А у нас в Заонежье «странников» называли еще и «скрытниками». От других сект они отличались крайне отрицательным отношением к требованиям гражданских властей. Это проистекало из их учения об Антихристе. Духовные руководители страннических центров учили своих собратьев по вере, что Антихрист царствует в преемственном ряде лиц царствующего дома, начиная от императора Петра I. Они отвергали существующую царскую власть, отказывались исполнять гражданские обязанности, избегая ревизий, не платили податей, не имели паспортов.

Истинный христианин, по их убеждению, должен таиться и разорвать всякую связь с обществом. Но поскольку такие требования в практической жизни были неосуществимы и лишали секту устойчивости и перспективы выживания, эти первоначальные постулаты со временем подвергались ряду изменений.

В «странники» стали принимать не только тех лиц, которые бегали и скрывались, но и тех, кто просто давал обет быть «странником», оставаясь дома. Они стали называться «странноприимниками» и обязаны были давать в своем доме приют действительным «странникам». Поэтому в их домах устанавливались тайные пристанища. Это были тайники в виде ям под лестницами, скрытых чуланов, шкафов с двойными стенами, помещений между двумя полами или под двойной крышей. Узнав в свое время обо всем этом, я понял и смысл нашей тайной «ухоронки», где сгорели книги. Нередко тайник одного дома соединялся с другим, другой с третьим, а тайник последнего выходил в сад, в перелесок, на дорогу.

Основателем страннического толка был некто Ефимий, родом из Переславля. Он бежал из военной службы и скрывался то в Москве, то в наших заонежских и поморских скитах.

Курение табака среди «скрытников» считалось самым тяжким грехом. Табак, по мнению всех раскольников, это проклятая трава, выросшая из трупа блудницы, и «кто курит, тот из себя святой дух турит».

«Скрытников – странников» приходилось до войны видеть даже мне. Но воспоминания о них у меня отрывочны и туманны. Во многих деревнях нашего края имелись скрытные пристанища. Трудно предположить, какие бы формы существования или вы-

живания приняла бы в дальнейшем деятельность раскольнических групп или их собратьев, не относящихся к «скрытникам». Общественные нравы постепенно совершенствовались, и отношение правительственных органов к деятельности раскольников могло бы стать более терпимым. Но тут явился другой, более страшный Антихрист, нежели царствующий дом Романовых, – Октябрьский переворот.

ВЕЛИКИЙ РАЗОР

Борьбу коммунистов с «религиозными предрассудками», особенно в середине 30-х годов, иначе как великим разором храмов и всей христианской культуры не назовешь. Из более чем сотни часовен и церквей Заонежья, кажется, не осталось ни одной действующей. Гибли иконы и книги, церковные летописи и монастырские библиотеки, безжалостно сносились купола и колокольни церквей и часовен. В них устраивались клубы и ленинские комнаты-читальни. Союз безбожников, вдохновляемый Емельяном Ярославским, не стал искать отличий православной веры от староверческой. Очень показательно, что возрастной ценз для вступления в Союз безбожников был снижен с 18 до 14 лет. Расчет был прост: в таком возрасте человек не особенно задумывается над своими поступками и его сознание легко можно было повернуть в указанном направлении. Но сознанием людей манипулировали и в зрелом возрасте. Приведу случай со сказителем Кириковым из деревни Потаповщина. Правда, официально признанным сказителем он не был. Но фольклористы в довоенное время записывали у него сказки и былины. К слову сказать, такого уровня сказитель мог в те времена быть почти в каждой деревне. Но речь в данном случае о другом. Сказитель этот был сельским активистом и членом партии. А задачей сельских коммунистов в те годы была борьба с религией. В эту борьбу включился и Кириков. Родители его были людьми верующими, и в доме было немало икон и книг священного писания. Родителей у Кирикова к середине 30-х годов не стало, и он недогнувшей рукой все иконы пустил под топор, а книги – на растопку.

Дочь Кирикова Ольга, вышедшая замуж в соседнюю деревню за коммуниста, колхозного бригадира Дьякова, записалась в активистки и тоже как могла способствовала антирелигиозной пропаганде, если еще сказать об этом мягко. Так, к примеру, в пасхальную ночь (это был 1936 год) люди шли в церковь. Там начиналось богослуже-

ние, а сельские молодые активисты пели рядом с церковными стенами непристойные богохульные куплеты под гармошку. И в этом хоре звонче других был слышен голос Ольги.

Но были и другие сказители, которые даже в своих новинах осмеливались говорить правду. Одну из таких новин записала фольклорная экспедиция в 1939 году в деревне Мокрецово от крестьянина Павла Анисимова. Я был настолько ошеломлен концовкой этой новины, что даже написал об этом стихотворение «Старая былина на новый лад», в котором эту концовку процитировал.

*Когда угасал фольклор
И с ним умирала былина,
Шел среди филологов спор,
Что есть такое новина.
То ль продолженье она
Силы былой молодецкой,
То ли в лучах рождена
Жизни счастливой советской.
А по стране в этот год
Шли повсеместные чистки.
Души невинных в расход
Смело пускали чекисты.
В той мясорубке большой
Наш заонежский сказитель
Зорче был светлой душой,
Чем фольклорист-искажитель.
Я приведу лишь пример,
Как, обращая в новину,
Смело на новый манер
Пел наш сказитель былину.*

Из былины об Алеше Поповиче:

*И тут брали да Алешу Поповича,
Да за кудри его брали, да за желтые,
Да под руки его брали, да под белые.
Выводили его из дому во чисто полюшко,
Да там его злодеи и расстреливали.*

Легко ли было православным и староверам смотреть, как рушатся христианские святыни и попирается их законное право исполнять те или иные заповеди? Но и это еще не было пределом надругательства над отечественными святынями, самой душой человека и над его грешной плотью. В годы великого террора почти все священнослужители Заонежья (более ста человек) были арестованы и сгинули в неизвестности. А поводом для расправы мог служить любой случай. Вот лишь два примера. Мария Ходова из деревни Родионовская Яндомозерского погоста рассказывает: «Отца нашего заарестовали осенью 1937 года. Матери к тому времени уже не было. Нас трое детей. Мне 15, другие моложе меня. Был рядовым колхозником. А до этого при Варваринской церкви служил звонарем...»

А вот о каком факте мне в свое время поведала Мария Дьякова на Климецком острове: «Председатель колхоза в деревне Новинка Мартынов осмелился выдлить покос для местного священника. Это был уже 1937 год. Каким-то чудом церковь в Новинке еще действовала. Так вот за такое самоуправство и сочувствие «поповскому отродью» оба они, и председатель, и священник, были арестованы. Домой не вернулись».

□

***Иван КОСТИН* –**

поэт, прозаик.

Родился в заонежской деревне Хашезеро (1931 г.).

Автор стихотворных сборников «Полет»,

«Озерные песни», «Запах росы», «Заонежье мое» и др.

С 1971 г. – член Союза писателей России.

Кавалер ордена Дружбы.

